

СЕРГЕЙ
ФИЛАТОВ

свет отраженный

Стань ослепшая неслепая тоска,
И падала. И нет погони двоя,
Ахив, та же паки свая, обая,
Меняет в небесах и отраженья
Улыбка неизменная была -
Сматривать и отражаться в зра,
Не видно дня. А может, нет,
И в сердце манит бездонная свеч

жизни, и
отва меж
и храме,
некуда, и
вестки п
фран, да и франца так зримо
жизнь моя, Коль, такая ирай,
етнее здесь сказать, чем совершить
Коль ты знаешь, то нужно нам,
как без намба - одна вранья.

Сергей В. Филатов
Свет отражённый.
Стихотворения (сборник)
Серия «Библиотека российской поэзии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17473503
Свет отражённый. Стихотворения (сборник): Маматов; Санкт-Петербург; 2016
ISBN 978-5-91076-041-1

Аннотация

В книгу избранной лирики Сергея Филатова «Свет отражённый» вошли стихи из предыдущих изданий автора, вышедших за последние три десятилетия, а также новые произведения писателя. Издание дополнено размышлениями о творчестве С. Филатова известного поэта и литературного критика Нины Ягодинцевой, а также выдержками из рецензий на предыдущие книги автора и писем собратьев по перу. Рассчитано на широкий круг читателей.

Содержание

Страна одинокого снега	8
Стихотворения	19
Из книг «Деревья», «В свете участи земной...», «Тверской, 25, Добролюбова, 9...»	21
«Ну, вот и февралю настал черёд линять...»	21
«А жизнь оптимистична, чёрт возьми...»	22
«Звонкий говор сорок разносится...»	22
«Смотри, проклюнулась капель...»	23
«Оттепель. Кот на окне...»	24
«Сколько помню бабу Надю – всё болела...»	25
«За паромом женщина кричала...»	25
«Мой путь лежал за дальний окоём...»	26
Таёжное	27
Холодное утро	28
«Друг мой, нынче опять не поётся...»	28
«Друзья уходят понемногу...»	29
«Гроздь рябины кроваво-чёрная...»	30
«Как мало от всего осталось!...»	31
«Ещё безлюдно. Нет добра и зла...»	31
«И утро чудесное, словно...»	32

«Я соберусь. Но хлеба не возьму...»	33
«Над захолустной нищей грустью...»	33
«Спозаранку. С утра. Каждодённо...»	34
«Опять народ толпится в храме...»	35
«Усталые глаза моей соседки...»	36
«Глядеть на весёлые цены...»	37
«Метёт позёмка с поволокой...»	38
«В чаду вороньем, в чёрной пене ли...»	39
Октябрь 89-го	40
«Мы – прихожане, мир – приход...»	44
«Жёстко нынче спать стелю...»	45
«Душа – бродяжка, нищенка, воровка...»	46
«Словами глупость прикрывают...»	46
«Воеет. Выюжно...»	47
Контуженный	48
«Приговорён к своей России...»	49
Из книги «ЧИСЛО»	51
«Я с каждым мысленно простился...»	51
«Тихо струится дорога...»	51
«Буксир упирается – тянет...»	52
«Листья срываются медленно...»	53
«Как глубоко и нерушимо...»	53
«Через село лежал большак...»	54
В заброшенном храме	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сергей Филатов
Свет отражённый.
Стихотворения (сборник)

© С. В. Филатов, 2016

© ООО «Маматов», 2016

* * *

Сергей Филатов

Страна одинокого снега

Пожалуй, как нигде в столицах, традиционная поэзия органично развивается и естественно востребована в провинции, где человек по-прежнему близок к природе. Музыка слова здесь созвучна ветрам и водам, а смыслы прочно связывают крохотное и краткое человеческое существование с бытием безграничного, бесконечно сложного Мира, законы которого мы едва-едва начинаем постигать. Традиция здесь не застывшая форма, не привычная колея, – она насущна и потому органична, она не ломает пульс жизни в угоду сиюминутному новому, но стремится осмыслить это новое, принять его и сделать частью бытия, не разрушая жизненных основ.

*В чаду вороньем, в чёрной пене ли
Шёл некий год. И гулы шли.
И нарастал закат империи
Багровой глыбою вдали.*

*И в некий час ударил колокол,
Раскалывая небеса.
И всё осыпалось осколками,
В которых август угасал.*

И в злато, было уж зачахшее,

*Тоской высокою вплелись
И благородство, и отчаянье...
И первый холод от земли...*

Стихотворения Сергея Филатова – напряжённый труд со-единения трагически рассыпающегося человеческого мира в лоне Мира незыблемого, гармоничного, непостижимо вечного. В этом, собственно, смысл поэзии – сегодня только ей, осмеянной, «модернизированной», разъеденной кислотной иронией, оболганной бесконечным пустословием, – только ей единственной всё-таки под силу восстановить внутренний космос человека, а значит, и весь человеческий мир вокруг него.

Те «якоря», пусть крохотные, но зацепки, пусть тонкие, но живые связи-смыслы, которые выстраивает сегодня – как и всегда – поэзия, удерживают человека и человеческое от распада. Поэзия бьётся за них до последнего дыхания, но когда доходит до предела и последнее – открывается дыхание второе, иное, начинает звучать иная сила, концентрирующая в человеке огромные пласты времени, память народную и память языковую.

*Ночь города в окно посеяна
С есенинской похмельной нежностью,
Раскинуто бельё постельное,
Как Русь безропотная, снежная.*

*Возможны ли другие ценники,
Когда и дверь разбойно взломана!..
И самые глухие циники
Лишь ухмыльнутся: – Нецелована!*

*Что мне до них! Я сам пожалован
В жестокий чин душеспасителя.
Я, как Москва, горю пожарами –
Не за Россию, за спасибо...*

В лучших своих стихах Сергей Филатов одновременно и современен, и традиционен. Современность его – в ощущении мировых трещин и разломов, в осознании великих потерь, в естественной, вполне понятной растерянности перед ужасом времени. Традиционность – в спокойном мужестве преодоления, в лирической силе сочувствия и сопереживания, в могуществе любви и прощения. В той вере, которая одна способна преодолеть отчаянье.

*Слово, как влажную марлю, прикладывать
На оголённую рану вины..
Вечер, наполни мне сердце прохладой
И успокой меня светом иным.*

*Всё это больше, чем миг отречения
От непосильного счастья в миру.
Время, открой мне истинность речения,
Чтобы понять, что и впредь не умру.*

*Золотом осени, тихой отрадою
Ты осени мою душу и плоть,
Тихий раскидистый клён над оградой...
Видишь, как мало мне надо, Господь!*

Не случайно в лирике Филатова мощно прорываются есенинские мотивы – тому причин множество: и времена рифмуются, и темпераменты родственны, и душевная боль за век не только не утолена, но стала глубже и горше... Сам лирический герой книги прямо говорит об этом родстве, и оно воспринимается как знаковое и значимое. Не подражание – бессмысленно подражать Есенину! Не продолжение – кому было дано сказать, тот всё сказал! Именно родство, родовая память, родовые черты.

В поэтическом космосе Филатова, в полном согласии с традицией, гармонично сведены, а зачастую и неразрывно слиты малое и великое, как, например, жилы и реки: *«Невозможно остаться никем.// Неизбежно – остаться. Диктую // По скрещению вен на руке, // По слиянию Биш с Катунью...»* – и здесь сами упругие, мощные названия рек – имена их – словно вливают в кровь силу! И внутри метафоры безнадёжности закономерно рождается незыблемая надежда:

*Видишь, лужи стянуло льдом,
Как глаза во хмелю.*

*Чей там дом? Да не мой ли дом?..
Кто там спит? Да не я ли сплю...*

*На чужбинах родной страны
Разметало мой путь земной...
А поля ещё так черны,
Так пусты поля...*

Как весной.

В одном из стихотворений «Светлой книги» есть образ «*страна одинокого снега*». Этот образ можно счесть и парадоксально-случайным – ведь дальше автор добавляет: «*тоски одичавшей страна*». Но мы рискнём определить его в качестве парадоксально-ключевого, в какой-то степени дающего нам разгадку характера и судьбы лирического героя, которого мы рискнём назвать народным.

Сегодня слово «народный» стало синонимом то ли научному «фольклорный», то ли почти ругательному «простонародный» – нищий, растерянный, убогий... Лирический герой Сергея Филатова народен в ином, парадоксальном смысле – как «одинокый снег» – то, чего много, то, что ощущает себя целым, таковым вроде бы и не являясь, то, что более относится к природным стихиям, чем к миру сугубо человеческому (социальному), и подчиняется Божьему соизволению, а не случаю или произволу. Смысл «одиночества» здесь более личностен, чем трагичен, хотя и сила трагизма ощутима

почти в каждом стихотворении.

*Февраль обложил, что тоска вечерами –
Когда одиночество души не греет.
Сто первая вьюга погост затирает,
А сотая вьюга под снегом стареет.*

*И поле за логом безмолвно, как Слово,
И даль за оврагом пуста и бездонна...
Всё глубже морщины, всё дале бывшее.
Ладонь разжимаешь...
И пусто в ладони.*

Снег. То, что есть, – и то, чего нет буквально через мгновение. То, что застигает, стирает – и одновременно обновляет, питает, дарит надежду. Это один из магистральных образов для Филатова, образ, через который многогранно выражается мироощущение поэта, а за многогранностью совершенно отчётливо ощутима внутренняя цельность личности, позволяющая ей быть мгновенно изменчивой в состояниях и неизменной по сути. Буйная буря и замирание в радости, стойкое мужество и непостижимая нежность, пьяная удаль и вековая вина – всё суть разные состояния, испытующие дух, и надо через них пройти, чтобы увидеть:

Снегопад

*Пахнет небом и ладаном
Вне пространства и времени.
Так приходят на кладбище
И приходят к прозрению.*

*Как отчётливо дышится
И замедленно тянется!..
Оборвётся, и лишнего
Ничего не останется...*

Мгновенье, когда обрывается длящееся состояние, чувство очищения и обновления приходит пронзительным мгновением весны, свет (снег) уходит во тьму (землю) и тьма становится светом, а начало нового жизненного круга – исповедью:

*Светоносная, первая, тайная,
Словно чудо в порочном кругу, –
Замерцала на склоне проталина
Робкой свечкой в глубоком снегу!*

*Или жизнь мне пригрезилась сызнова...
Или радость земного тепла
Тихой девочкой в чёрной косыночке*

Исповедовать душу пришла.

Тем и отличается сегодня традиционная поэзия от трагически осовремененной, что она сохраняет в себе меру вещей и явлений, их гармонию, соответствие. И крайности в ней не вступают в противоречие друг с другом, они суть магнитные полюса целого, между ними рождается могучий ток жизни. Он может ослабевать, а иногда кажется, что исчезает и совсем, но таково родовое свойство русской культуры – как только восстанавливают свой смысловой заряд полюса, ток заново обретает силу...

Ведущие темы творчества Сергея Филатова – жизнь, любовь, смерть. Они более чем традиционны, но в истинной поэзии должны наполняться личным содержанием так плотно, чтобы каждый раз становиться открытием. Ведь каждый из нас, пишущий, читающий или просто живущий, сталкивается с этими понятиями сам, лично, без посредников, в первый и в последний раз. И единственно возможная «территория новизны» – личное осмысление жизни, любви и смерти в границах данного времени и в пределах страны, где суждено родиться, любить и откуда рано или поздно надо будет уйти.

*Вёсла ложатся короткими взмахами
В тёмную воду. Глухая пора.
В тёмной рубахе, застёгнутой наглухо,
Сумерки сводят коней со двора.*

*Утром хозяин проспится и хватится –
Пустошь похмелья да холод с реки...
Что-то недоброе есть в волховании:
В звуках приглушенных, в чреве строки...*

*Будто готовится мутное варево
И замышляется тайное зло.
Знаешь, мне страшно с собой разговаривать
И понимать отчуждение слов.*

*За полночь. Кто-то невидимый ахает.
Вечности близкой темнеет нора.
Время уходит короткими взмахами.
И на земле – ни кола, ни двора...*

И всё-таки ведущими, главными, на наш взгляд, для поэта являются не темы, а сама музыка речи, которая естественно рождается из глубины дыхания, из тока крови по жилам. Эта музыка свободна в пределах классической формы, но столь же естественно она может приближаться к почти разговорной ритмической вольнице. Филатов любит свободные рифмы, усечённые созвучия, он не скован поэтическим метром. Все составляющие стиха служат одному – внутренней правде слова:

*Свет очищенный, свет дочерний,
Августовский прохладный свет...*

*Так душа плывёт по течению,
Так внимают листве.
Эти дни отстранено синие
Отрывают взор от земли.
То ломая, то строя линию,
Журавли летят...*

Стихи эти надо воспринимать в их естественной форме существования – как речь не письменную, а в первую очередь звучащую и творящую. Их мелодическое звучание пробивается и сквозь печатную – бронированную! – форму, требуют проговаривания, радости говорения в едином ритме с сердцем и Мiром.

*...С Крещенья ещё не спадали морозы,
И все в куржаке вдоль дороги берёзы.
И чудится, эти морозные кроны –
Не кроны совсем, а застывшие звоны,
Тряхни – зазвонят, серебром облетая...*

*А ближе к апрелю – и сами оттают,
Наполнившись радостной, талой весною
И силой живою, и силой земною...*

Проговаривание вслух – заговаривание, заволакивание речью – умиряет боль, утишает сердечные смуты, и верится, что к этим строчкам прислушается сама жизнь, помедлит, опомнится – и вернётся в свои берега, и двинется в путь,

уготованный ей Богом.

*И облака – в миру паломники –
Вновь обозначат мне мечту.
И снова май в душе надломленной,
И снова яблони цветут.*

*И снова яблони венчаются,
Как в детстве...
Как благая весть,
Свет радости и свет печали –
Сливаются в нетленный свет.*

*Надломлено – не значит сломано.
И светлых яблонь торжество
Едино, – будто в слове «родина»
Слились сиротство и родство.*

*Нина Ягодинцева,
Челябинск*

Стихотворения

Ах световой, астер и танок,
Нравок за ранний полудрак,
Тде в кебках бора, свеж и сток,
Маиня сангвильный рай.

Условно, угадав изагана
Впервые, вояво, а не во сне,
В немши оцепенев запер
Упавшись ташане.

Как будто полем: так бывает
Вместах, где сангвиль цветет,
Там резкий свет не открывает,
Стахотворения.

Из книг «Деревья», «В свете участи земной...», «Тверской, 25, Добролюбова, 9...»

«Ну, вот и февралю настал черёд линять...»

Ну, вот и февралю настал черёд линять.
Чернеют на снегу проталые нарывы.
И скоро наконец порадуют меня
Пернатая весна и толчея на рынке.

Карманы площадей и улиц закрома
Ещё хранят в себе останки зимней выюги.
Но слух уже прошёл: вчера мятежный март
Ходил по деревням и полошил округу.

Почуяв, что грядёт, – нагнали воробы
И рассуждали вслух о близкой перемене.
И рваные края глубокой полыни
Наметились уже в февральском низком небе.

«А жизнь оптимистична, чёрт возьми...»

А жизнь оптимистична, чёрт возьми!
Всего-то март, четвёртый зимний месяц...
А воробьи прозванивают мир,
И весело звенит в карманах мелочь.

Я на углу возьму цветов-гвоздик
У полусонной, хмурой, толстой тётки
И брякну ей:
– Мерси, я ваш почти!..
И тётка удивится полусонно.

Я ничего-то ей не прояснил
И ладно, пусть...
Явлюсь к тебе крылатый.
– Весна, – скажу, – весь мир вокруг звенит!
Устало спросишь:
– Что с тобой, Филатов?

«Звонкий говор сорок разносится...»

Звонкий говор сорок разносится...
Бесшабашная жизнь моя! –
Околесица, чересполосица...

Эх, апрельская колея!

Роща белая с чёрным выкриком
Молодых на хмелю ветвей.
И весеннее – гулким выстрелом
В голове звенит...
В голове.

Колобродит, вскипает, пенится
По оврагам, в ковше, вокруг!..
Мне не часто бывает песенно,
Чаще грустно, мой милый друг.

Но сегодня неожиданной вестницей –
В небе тёплая полынья!
Трескотня сорок. Околесица.
Бестолковая жизнь моя...

«Смотри, проклюнулась капель...»

Смотри, проклюнулась капель,
И раскололась глыба звука!
Опять толкаемся в толпе,
Как будто ищем пятый угол.

Всё воскресает на земле
Из безвременья и покоя.

И в рваном ватнике полей
Апрель выходит из запоя.

Нам, порознь пережившим сон
Февральских выюг и чёрной стужи,
Не хватит самых вечных слов...
Но больше нам никто не нужен.

«Оттепель. Кот на окне...»

Оттепель. Кот на окне
Мирно соседствует с кактусом.
Греется дед на бревне
В белых залатанных катанках.

Сушится ватник отцов,
Носится пёс за оградой.
Тихо вхожу на крыльцо,
Гость долгожданный-негаданный.

Топится русская печь –
Милая, добрая, старая!
Слышится мамина речь...
Оттепель – сердце оттаяло!

«Сколько помню бабу Надю – всё болела...»

Сколько помню бабу Надю – всё болела,
Всё лежала, вышивала кружева.
От её работы в горнице светлело,
А она не уставала вышивать.

Сколько помню, всё она молчала,
Вышивала белым-белым кружева.
Так до самой смерти не вставала,
Тихо и спокойно умерла.

Сколько помню бабу Надю – всё лежала,
Всё чему-то улыбалась и ждала.
Только лет тогда мне было мало...
Есть у мамы скатерть в кружевах!

«За паромом женщина кричала...»

За паромом женщина кричала...
О. Варнаков

За паромом женщина кричала,

Словно бы судьбу свою звала...
В мире много места для печали,
В мире мало места для тепла.

Оттого так ветрено и сыро,
И знобит осенняя вода...
Ни покоя в мире нет, ни мира
Для души, брошенной сюда.

Безответен крик, сносимый ветром –
Всё чужое мимо унесёт:
Мир широк... широк и безответен
Для чужих печалей и забот.

В этой жизни зыбкой и порочной
Жить спешим: палим, поём и пьём.
Только кто-то вскрикнет за паромом
О чужом...
О личном...
О своём...

«Мой путь лежал за дальний окоём...»

Мой путь лежал за дальний окоём,
где паводок луга в низинах залил...
Цыган-пастух просил продать ружьё,
стреляя вороватыми глазами.

Его собаки ластились к ногам,
гудели ноги, тело сладко ныло,
теплом и сном тянуло от огня...
Цыган буквально осаждал меня,
наверное, ружьё его пленило.
Приклад он гладил, как свою жену,
и, зависти горячей не скрывая,
ружьё к себе настойчиво тянул...
Но я молчал, как путник на привале.
Он цокал языком, глядел в стволы
и целился в закат под срез по центру.
И горячился, и ружьё хвалил,
и назначал неслыханную цену.
Но расходились каждый при своём...
Цыган, цыган, плохое чувство зависть!
Да и зачем, цыган, тебе ружьё,
когда ты душу вывернешь глазами!..

Таёжное

В беде не лицемерят и не лгут...
Пускай порыв мой десять раз нелеп —
Я подал руку своему врагу
И разделил с ним свой костёр и хлеб.

Но не пытайтесь нас объединять:
Мы дале спор продолжим вековой, —

Мой враг обсох у моего огня,
Мой враг окреп от хлеба моего...

Холодное утро

Туман залез под ватник в рукава,
Ладонями дыханье разминаю...

Наверное, ты всё-таки права:
Мы часто всеу душу поминаем,
Когда скребём куском карандаша
Свои слова, похожие на рифмы.
И кажется, что вот она душа,
А на поверку – как-то сиротливо:
Одни слова, конструкции из слов,
Пустые и надуманные звуки...

Здесь всё не так: в костёр подброшу дров
И буду греть озябнувшие руки.

«Друг мой, нынче опять не поётся...»

Друг мой, нынче опять не поётся...
На руинах бывшего огня
Одинокое слово прольётся,

Но уже не коснётся меня.

За грехи всё взыскалось стихами.
Всё прошло сквозь гульбу и пальбу –
Только Родины лик бездыханен
И красив, как покойник в гробу.

Шелестят, облетая, страницы –
Летаргия великой страны.
Время кончилось?..
Или всё длится
Неизбывное чувство вины?..

«Друзья уходят понемногу...»

Друзья уходят понемногу
Куда-нибудь, где подадут...
И хорошо.
И слава Богу,
Что мысли с чувствами в ладу.

Что я покуда верю в завтра
И что-то пробую сказать.
Что мрак обиды мне не застит
Сплошнойю пеленой глаза.

Что так покорно ниоткуда

И в никуда летит листва.
Что с точки зрения Иуды –
Он никого не предавал.

Что август-месяц на ущербе
Наивен, словно первый снег...
Что зреет осень всепрощенья
Не то в миру, не то во мне.

«Гроздь рябины кроваво-чёрная...»

Гроздь рябины кроваво-чёрная,
Куст разорванный на ветру...
От любви такой можно чокнуться,
Если раньше вдруг не умру.

Ты не думай, я не отчаялся,
Просто времени полынья
Поглотила всё изначальное,
Даже память, и та – ничья.

И брести переулком осени
Мимо окон чужих домов...
Всё равно не напиться досыта
Дымом родины, как тюрьмой.

И глядеть отрешённо издали,

Разучившись страдать в миру.
Кто-то хлеб мне протянет искренне...
Только я не возьму из рук.

«Как мало от всего осталось!..»

Как мало от всего осталось!..
Слетает лист. Чернеет куст.
Я полюбил твою усталость.
И осень чувств.

И скорую печаль разлуки,
И близкий холод от земли.
Слова ушли. Уходят звуки.
И журавли...

Молчи! Всё сказано. Так много
Напрасных слов, минувших лет...
Так начинают верить в Бога.
И видеть Свет.

«Ещё безлюдно. Нет добра и зла...»

Ещё безлюдно. Нет добра и зла –
Всё слишком зыбко или слишком рано.

И тропка незаметно увела
За молчаливый белый остров храма.

Чиста ограда. Прибрано кругом.
Речным песком посыпана дорожка.
И нет ещё ни сроков, ни долгов, –
Как нет в своём Отечестве пророка.

Совсем не обязательно дышать,
Когда душа и мир живут в покое.
И, словно не решаясь сделать шаг,
Склонилась над тобою колокольня.

«И утро чудесное, словно...»

И утро чудесное, словно –
Чуть-чуть... невзначай... в полусне...
И мир, не встревоженный словом,
Непуганый, точно птенец...

И вся – от начала – дорога,
Возникшая вдруг, невзначай...
Умение слушать – от Бога –
И вместе, – уменье молчать...

Что? – вслух изречённые мысли
Кого-то спасли от беды?..

И в спорах – рождение истин:
Извечных. Избитых. Седых...

«Я соберусь. Но хлеба не возьму...»

Я соберусь. Но хлеба не возьму.
Мой пробил час. Но твой приход возможен.
Теперь, окрест, к приходу твоему, –
Мир угловат, пуглив и осторожен.

Ночные травы помнят и хранят,
Они молчат. И ты прими на веру:
Узнав меня, ты сам есть часть меня.
Меня простив, развей мой прах по ветру.

Забыв меня, ты больше и сильнее,
Твой час пробьёт. Ночные травы помнят.
Они вернут всю память обо мне
В твою, для сборов выбранную, полночь.

Но, собираясь, хлеба не бери...

«Над захолустной нищей грустью...»

Над захолустной нищей грустью

Такая боль, такая высь
От этой беспросветно-русской,
От этой жуткой синевы!

Желать бы славы или смерти,
Вообще чего-нибудь желать...
Но есть ли в этом мире мера
Для уходящего тепла?

Искать во всём корыстной пользы –
Увольте!.. Будто лик святой
Чернеет Русь осенним полем,
Избой, иконою, крестом...

«Спозаранку. С утра. Каждодённо...»

*Юрию Слазеникину, инвалиду иткульского
спиртового «фронта», посвящается...*

Спозаранку. С утра. Каждодённо. –
Вдоль по трассе сугробы стеной...
– Как дела?
А в ответ: – Не дождётесь!
Только поле да ветер хмельной.

Вот и снова в кювет залетели!..
Только всё нам с тобой нипочём,

Знаем мы эти выюги-метели...

Взмах руки: – Да и хрен с ним, с плащом!

Да и хрен с ним! – С бураном. С морозом.

С жизнью нашей, до смеха дурной...

Коли уж невозможно тверёзым, –

Так и быть, разливай по одной.

А без юмора, Юра, каюк нам,

Как без водки нам, Юра, беда...

Вот и «кинули» нас с тобой, Юра,

Жаль, понять не успели – когда...

«Опять народ толпится в храме...»

Опять народ толпится в храме

И ставит свечки, крестит лбы.

Опять трёхцветным стало знамя.

И в моде старые гербы.

И всё – как встарь. Кричат газеты,

Что скинуты большевики.

И люди эти так одеты,

Как будто вправду казаки.

Всё как бы встарь. Всё как бы... Кроме

Того, что нам не хватает мест.

И что-то слышится воронье
В зловещей этой кутерьме.

Вглядись! Вокруг одни осины.
И нет креста. И жжёт вина.
И, может, не было России...
Но как тоска по ней сильна!

«Усталые глаза моей соседки...»

Усталые глаза моей соседки
Сухи, не избалованы слезой.
К ней пьяный бог приходит в воскресенье
И пахнет потом, водкой и кирзой.

В её глазах усталых отражаясь,
Он рядом спит, вздыхая и сопя.
И тем невольно вызывает жалость
И выдаёт присутствие себя.

Наутро он уходит виновато
С похмельной и гудящей головой, –
Рыть на народных стройках котлованы
При помощи лопаты штыковой.

И каждый раз, споткнувшись в общих сенках,
Находит силы пару слов связать...

Соседка верит только в воскресенье,
И у неё усталые глаза.

«Глядеть на весёлые цены...»

*А я как дурак на гребёнке
Обязан кому-то играть.*

О. Мандельштам

Глядеть на весёлые цены,
В весенней теряться в толпе.
И слушать, как нищий у церкви
Грошовую ловит капель.

За все мои лучшие строки
Никто не подаст на винцо.
И всякий холуй перестройки
Мне сыто икает в лицо.

Кто платит, тот сам выбирает
Забавы по вкусу себе.
Шуты на свистульках играют:
«Вы жертвою пали в борьбе...»

Ручьям и воронам раздолье,
И радость народу, когда

Есть дамы с мужицкой ладонью
И возле пивной господи!..

И только во взрослом ребёнке
Нет трезвому места уму –
Зачем как дурак на гребёнке
Я не подыграл никому?..

«Метёт позёмка с поволокой...»

Сергею Гонцову

Метёт позёмка с поволокой.
Темнеют лики на стене.
Наверно, ты теперь далёко
И, может, вспомнил обо мне.

В моих снегах уединённых
Покоя тоже нет душе –
Метёт. Тревожные знамёна
Встают на дальнем рубеже.

Опять на белых и на красных
Готова расколется быль.
Сергей, мне страшно! Очень страшно –
Куда нас гонит ветер судьбы?!

Пишу, поскольку нету боле
Иной надежды на исход...
Пускай тебя в твоей юдоли
Хранит Господь!..

И коль случится, что навеки
Нам свидеться не суждено –
Твой чудный свет высокой веры
Да осенит моё окно!

«В чаду вороньем, в чёрной пене ли...»

В чаду вороньем, в чёрной пене ли
Шёл некий год. И гулы шли.
И нарастал закат империи
Багровой глыбою вдали.

И в некий час ударил колокол,
Раскалывая небеса.
И всё осыпалось осколками,
В которых август угасал.

И в злато, было уж зачахшее,
Тоской высокою вплелись
И благородство, и отчаянье...
И первый холод от земли.

И в грязи втоптанное чернию,
Вкусив смирения удел,
Звучало гордо отречение
Словами: «Верую в людей!»

Октябрь 89-го

1.

Поэты пишут. Их читают.
Грозит пришествие Христа.
С деревьев листья облетают,
Как должно листьям облетать.

И это есть. И это было.
И это явь. И это ложь.
Вот спекулянт торгует мылом
И держит свёрток под полой.

Картина осени глубокой:
Как сто, как двести лет назад.
«Спаси меня, моя работа!»
Кого спасать, зачем спасать?..

Вот человек идёт хромает.

А дальше улица пуста.
В стране закончится бумага
И будет не на чем писать.

Ещё в стране разрухи нету,
Ещё пока идёт грызня.
В стране закончатся поэты,
Но это будет без меня.

Листву срывает и уносит.
Пустеет скверик за углом.
Трамваи сетуют на осень
И громяют тяжело.
Провинциал грустит по-бийски,
Осенней моросью прошит.
А в переулке, как грабитель,
С прохожих ветер рвёт плащи.

Но всё напрасно: глухо, плотно
Защищены остатки душ.
И всё на свете по талонам,
Как хлеб в 17-м году.

2.

Ночь города в окно посеяна
С есенинской похмельной нежностью,

Раскинуто бельё постельное,
Как Русь безропотная, снежная.

Возможны ли другие ценники,
Когда и дверь разбойно взломана!..
И самые глухие циники
Лишь ухмыльнутся: – Нецелована!

Что мне до них! Я сам пожалован
В жестокий чин душеспасителя.
Я, как Москва, горю пожарами –
Не за Россию, за спасибо.

Пожалуйста – слюною сглатываю.
Молчу убого и бескровно,
Убитый беззащитной правдою...
Молчу, как русский на допросе.
Слова увязли в горле сваями,
В них грубость, глупость пошлых реплик.
Бессловие восходит к святости
И напивается... как грешник.

Я не люблю повальной пьяности:
Когда я пью, пока не падаю.
Но как ещё достигнуть ясности?!
Как грустно в мире пахнет падалью!..

Я не Христос: моё пришествие
Вам не грозит моим распятием...

Всё! Я готов просить прощения
За всю (и всю свою) распахнутость.

Я становлюсь ужасным циником
И говорю слова высокие,
Когда по комнате на цыпочках
Скользит бесовская бессонница.

О, как же я чертовски вымотан
Её повадками тягучими.
Я, как стакан, — до дна. Я вымолчан...
Я в кровь искусуваю губы.

3.

Не спасает работа.
Листопад, листопад...
Понедельник, суббота,
И опять, и опять...
Всё в пылу, как в опале —
Отгорит. А потом
Опустеет. Запахнет
Чистым свежим бинтом.

Ветер северный, резкий
Сдёрнет стаи ворон.
Всех нас вынесет время

На промокший перрон.

Нам пора к переменам –
От хлопот к холодам.
А по нынешним меркам
В никуда, в никогда...

Снег придёт и настанет.
Будет легче дышать.
С губ безмолвных слетает
Дымка... или душа?

«Мы – прихожане, мир – приход...»

Мы – прихожане, мир – приход...
Ну не смотри ты так рассеянно!
Да, я – как все, да, я плохой,
Слегка похожий на Есенина.

Меня не радует Москва –
В ней слишком много лицемерия.
И шляется моё бессмертие
По кабакам и по церквям.

Слух обо мне уже пошёл...
Не видела, в какую сторону?
Тебе со мной не хорошо,

А мне с собой – ну просто тошно.

Пишу, бумаги не щадя,
Дышу одним с тобою воздухом.
Умру – расставят, так уж водится,
Как Пушкина, по площадям.

«Жёстко нынче спать стелю...»

Жёстко нынче спать стелю
Белые, как смерть, простыни.
Ветр трётся мордой по стеклу,
В комнату – скулит – просится.

Не скули, сейчас впущу, –
Места на двоих хватит нам.
Выпадет к утру дальний путь
Белою, как снег, скатертью.

Я спрошу тогда:
– Ты со мной?
Будешь мне попутным ветром?
Эй, ночлежник мой, пёс цепной,
Самолучший друг верный...

«Душа – бродяжка, нищенка, воровка...»

Душа – бродяжка, нищенка, воровка –
скулит по вечерам, как пёс цепной,
у памяти выпрашивая крохи
любой ценой.

Слоняется по прошлому, клянётся
в любви до гроба умершим, живым,
что в своё завтра зрячею вернётся,
честнее хлеба, праведней травы...

Клянёт себя последними словами,
зализывает свежие рубцы...
И падает ничком, устав слоняться,
и кается в грехах, как блудный сын.

«Словами глупость прикрывают...»

Словами глупость прикрывают,
По-министерски хмуря лбы...
«Стишки? – сочувственно. – Бывает.
Но гражданином должен быть!»

Привычка быть самим собою...

Знобит. Рябин простудный жар.
Бредовый сон – что я свободен
От всех правительств и держав.

От суеты, от суесловья,
Собраний, митингов, речей...
Лежу весь в белом. В изголовье
Спокойный ровный свет свечей.

И люди больше не осудят,
Сославшись на «гражданский долг».
И голос мамин, не отсюда:
«Усни, Серёжа... Хворь сойдёт».

«Воет. Выюжно...»

Воет. Выюжно...
Недолго и сгинуть –
Не найти на земле своего.
Дорогие мои, дорогие,
Не бросайте меня одного!

Хоть приткнуться к родимой ладони –
Выплакаться.
Да слёз не наскресть.
Для судьбы и беды есть раздолье,
И свобода студёная есть.

Одиноко в доме и недужно,
Хоть шаром покати на столе...
Ничего мне, родные, не нужно,
Только знать, что вы есть на земле.

Доаукаться – надо-то крохи! –
Отзовитесь! – спокойно помру.
Хоть помянете просто и скромно.
Стыло, стыло стоять на ветру...

Контуженный

Он в угол смотрит вечерами.
Он к одиночеству привык.
Там – только рамки фотографий
Друзей далёких фронтовых.
Друзей далёких...

Вечер долог.
Старик давно от всех далёк.
Лишь иногда в померкшем взоре
Мелькнёт знакомый огонёк.
Огонь...

Огонь!
Сухая глина

Забила рот. Разрывы. Стон.
И привкус крови, тёплый, липкий...
И страшный звон...

Проклятый звон!
Уйти хоть в стылый мрак осенний
Из серой каменной тюрьмы,
Где беспощадно и всецело
Довлеет память над людьми.

«Приговорён к своей России...»

Приговорён к своей России –
Стране погостов и берёз.
Как будто на моих крестинах,
Октябрь торжественно белёс.

А я, как крестник, в этом храме
С самым собой наедине.
А я, как осень, отмираю...
И непонятно, чуждо мне, –

Что есть страна, что есть Россия
С глухой кремлёвскою стеной,
Где крик отчаянный: – Спасите! –
Завис, как мир перед войной...

В пространстве позднем отражаясь,
Подолгу стынет каждый лист.
И, как послы ничьей державы,
Уходят в небо журавли.

Из книги «ЧИСЛО»

«Я с каждым мысленно простился...»

Я с каждым мысленно простился –
Я вспомнил всех до одного.
Колеблем свет. А твердь пустынна,
Как прах от века моего.

Лишь скорбный смысл иных значений
Хранит забытое тепло.
И длинный список посвящений
Не уместается в Число.

«Тихо струится дорога...»

Тихо струится дорога
Мимо темнеющих ив.
Свет, как подобие Бога,
Шлёт откровенья свои.

Свет неназойливый, словно
Льётся неслышно звезда,

Лёгкой укрытая мглою...
Странное слово – всегда.

Словно мерцают над полем
Тайные запахи трав.
Словно теперь уже поздно
Помнить, что было вчера.

Кажется, время бесследно
Кануло где-то в ночи...
Что ж так тревожно за лесом
Птица ночная кричит?..

«Буксир упирается – тянет...»

Буксир упирается – тянет
Две грузных баржи по реке...
Волна набежит и растает,
Разгладит следы на песке.

Спокойно, без видимой боли
Затянет текучим песком, –
Как будто по кромке прибоя
Христос уходил босиком...

«Листья срываются медленно...»

Листья срываются медленно
С чутких притихших осин.
Что-то, должно быть, изменится,
И – ничего не спасти.

Повода нет для отчаянья,
Есть только светлая боль.
Всё хорошо, что кончается
В срок, отведённый судьбой.

Ясные, словно последние,
Чудные, синие дни! –
Впору бродить перелесками,
Август души хоронить.

«Как глубоко и нерушимо...»

Как глубоко и нерушимо –
Берёзы. Родина. Рассвет.
Беззвучный шёпот камышинок,
И холодок росы в траве...

Покуда нет туда возврата, –

Наверно, просто не пора.
И всё-таки в грядущем завтра
Душа отыщет этот край.

Где шаткий мост на ветхих сваях
Глядится в зыбкое стекло,
И роща спит светло и свято,
И сердцу – свято и светло.

«Через село лежал большак...»

Через село лежал большак,
Клубилась пыль не оседая...
Наверно, там моя душа
Училась жить заветной далью.

Потом – судьба – случилось жить
Скупым теплом и скудным хлебом.
Глядеть, как пыль в луче дрожит,
И сквозь неё сочится небо.

Но всё же, видно, будет так:
Настанет час – я лягу в белом...
Душа вернётся на большак,
Расставшись с этим чёрным телом,

Увидит путь вперёд и вверх

Сквозь пыль, и, может быть, за нею
Её нетленный малый свет
Вольётся в бесконечность неба.

В заброшенном храме

Тугие стебли повилики
Уже проникли и сюда...
Но на нетронутые лики

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.